

Кубанский Писатель

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

СЛОВО РЕДАКТОРА

Школа, культура и удаление сосудов

Светлана Макарова

Когда-то я училась в музыкальной школе. Помимо обязательных уроков специальности и сольфеджио каждый год для учащихся устраивался музыкальный абонемент. К нам приезжали известные исполнители,

и в небольшом концертном зале школы звучали рояль, скрипка, баян или домра, проходили концерты инструментальных и вокальных ансамблей. Но особенно запомнился абонемент, когда мы смотрели и слушали фильмы-оперы.

Я помню декабрьский день, ясный, беснежный, ветреный, как и бывает обычно на Кубани в это время года. Организованным строем мы шествуем по главной станичной улице в длинное одноэтажное здание кинотеатра. Предыдущий сеанс недавно закончился, и двери зала распахнуты настежь для проветривания. Немного сыро и вябло. Хлопают деревянные откидные сиденья, шумные зрители оживлённо рассаживаются, рассеиваясь по залу. Недовольные контролёры шикают на самых непоседливых. Но вот свет гаснет, и на экране – «Борис Годунов» народная музыкальная драма М. Мусоргского в постановке Государственного академического Большого театра СССР». И никого в зале больше не надо успокаивать и призывать к порядку. С первых звуков увертюры я на всю жизнь запомнила и полюбила музыку «неистового Модеста».

Позже узнала, что русский дворянин, потомок древнего рода, восходившего к Рюрику, Модест Петрович Мусоргский получил прекрасное образование и воспитание. После окончания школы гвардейских прапорщиков недолго служил в лейб-гвардейском Преображенском полку, потом в главном инженерном управлении, в министерстве государственных имуществ и государственном контроле.

Понять своё истинное предназначение, осознать себя музыкантом ему помог кружок Балакирева. Перу Мусоргского принадлежат романсы, симфонические картины, инструментальная музыка (в том числе выдающийся цикл фортепианных пьес «Картинки с выставки»), музыкальные драмы, которые и по сей день во всём мире относятся к наиболее часто исполняемым произведениям русской музыки. В творчестве композитора мощно и оригинально выражены русские национальные черты. Именно это – определяющая особенность его стиля. И она проявила себя многообразно: в умении обращаться с народной песней, мелодиче-

ских, гармонических и ритмических особенностях музыки, выборе сюжетов, главным образом, из русской жизни.

Музыкальная драма «Борис Годунов», написанная по одноимённой драме Пушкина (а также под большим влиянием трактовок этого сюжета Карамзиным), признана одним из лучших произведений мирового музыкального театра.

В наше время ведущие театры мира ставят оперы Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина» в авторской редакции.

Я не могла не вспомнить об этом, дорогой читатель, когда нынешним летом увидела на одной из трамвайных остановок Краснодара знаменитый портрет Модеста Мусоргского кисти Ильи Репина. Тот самый портрет, который был выполнен за четыре дня – 2–5 марта 1881 года в Петербурге, в больничной палате Николаевского военного госпиталя. Репин писал близкого ему человека, уже зная, что Мусоргский болен неизлечимо и его кончина близка. Мусоргский умер 16 марта.

Когда встал вопрос, какую пьесу дирижировать на выпускном экзамене в музыкальной школе – а тогда выпускники народного отделения обязательно дирижировали оркестром – я нисколько не сомневалась: конечно же, «Рассвет на Москва-реке», увертюру к «Хованщине» Модеста Мусоргского! И я счастлива, что мне довелось прикоснуться к шедевру композитора. Наш студенческий оркестр, повинувшись моей дирижёрской палочке, звучал, «рисую» рассвет! И сверкали купола храмов под первыми лучами солнца, и пели околола, растекаясь над речной гладью, и оживала, пробуждалась природа, а вместе с ней и люди. Всё это вместила музыка!

В творчестве Репина это уникальный случай, когда художник создал портрет человека, находящегося перед лицом вечности. Тот реализм, с которым Репин фиксирует черты больного, в полной мере компенсируется деликатным и умным живописным решением портрета. Звучность сочетания зеленого и малинового цветов халата на светлом фоне стены больничной палаты снижает болезненную красноту лица; яркий, прямо направленный свет скрадывает рельеф его морщин и складок. Трогательная, как у малого ребенка, складка губ, полувопросительный взгляд человека, словно прислушивающегося к самому себе, ситуация

одиночества, отъединение от внешнего мира – эти особенности характеристики (кстати, не типичные для репинского творчества) делают портрет Мусоргского одним из самых проникновенных в русской живописи. Владимир Стасов посвятил этому портрету целую статью, где, помимо собственных похвал, привел слова Ивана Крамского: «Этот портрет писан бог знает как быстро, огненно – всякий это видит. Но как нарисовано всё, какую рукою мастера, как вылеплено, как написано! Посмотрите на эти глаза: они глядят, как живые, они задумались, в них нарисовалась вся внутренняя, душевная работа той минуты, – а много ли на свете портретов с подобным выражением!»

И вот увидев этот шедевр на трамвайной остановке, выставленный в формате рекламного плаката, я решила, что таким образом пропагандируются национальные художественные шедевры. Но зачем же показывать на остановке именно эту картину? Когда трамвай поравнялся с портретом, каково же было мне прочесть написанное поверху: «Лазерное удаление сосудов». Портрет Мусоргского, русского гения, созданный рукой гения Репина, выставлен для демонстрации проблемного носа и увеличенных сосудов на нём, немилосердно усиленных для рекламы пластической хирургии.

Что, дорогой читатель, добавить к этому?

Быть может, лишь очередной раз поднять вопрос о том, куда ведёт реформирование нашего образования, поставляющего Отечеству всё новых и новых Иванов, родства не помнящих. Педагоги и академики от «Единой России» подготовили проект нового образовательного стандарта для старших классов школы, призванного предотвратить инциденты, подобные побоищу на Манежной площади. Согласно новому проекту учебный день, начиная с 9-го класса, будет разделен на две половины: первая будет посвящена урокам, а вторая – «акциям, направленным на формирование личности гражданина». Предполагается и сокращение числа предметов до девяти. Обязательными станут лишь физкультура, основы безопасности жизнедеятельности, «гражданская зрелость» и «Россия в мире». А также будет предоставлена возможность изучать иностранные языки. Как говорили в Древнем Риме: «Раб должен быть здоров и понимать язык хозяев».

Чтобы дать школьникам возможность изучать несколько иностранных языков, реформаторы предложили ввести «интегрированные курсы», например, объединить химию, физику и биологию в один предмет под названием «естествознание», что, по мнению экспертов, можно назвать ликвидацией образования в старших классах.

О культуре же России, самом действенном средстве воспитания полноценных граждан страны, не произнесено ни слова...

ЮБИЛЕЙ

Поэтическая судьба Светланы Медведевой: в строке и между...

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», – сказал друг и наставник Пушкина В. А. Жуковский. И, будучи восхищенным вышедшей в 1820 году поэмой «Руслан и Людмила», подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя». Несомненное мастерство усматривает в «Пророке» Пушкина и Сергей Булгаков, сопрягая жребий поэта с его пророческим служением. Но неожиданно оставляет открытым вопрос: можно ли видеть в Пушкине 30-х годов «то духовное возрастание, ту растущую напряженность духа, которых естественно было бы ожидать после 20-х годов? Не преобладает ли здесь мастерство над духовной напряженностью, искусство над пророчесственностью? Не чувствуется ли здесь скорее некоторое духовное изнеможение?..» Несмотря на то, что в распоряжении зрелого Пушкина оставались все художественные средства его поэтического дара, вся палитра красок, причину трагического исхода судьбы поэта Булгаков усматривал именно в том, что «иссякал духовный источник его творчества».

Вопрос, обозначенный философом, особенно сегодня звучит для нас не праздно. Метафизика поэзии как особого вида творчества, по Булгакову, в том, что она божественна в своем источнике. Поэзия доступна не Богу, но Божеству, Его откровение в творении и потому поэтическое служение «есть священное и страшное»: поэт в своей художественной правде есть свидетель горнего мира... Может, в этом причина того, что многие критики считают: поэзия – не женское дело... Может, и в самом деле, как и на церковный, на алтарь поэзии женщина не может быть вхожа по определению?.. И могут ли женские стихи претендовать на то священное, что называется поэзией? Рядом или после – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Рубцова, Есенина, Кузнецова?..

*А мне всегда казалось,
Что жить я буду вечно,
Но жизнь моя, вот жалость,
Совсем не бесконечна.
Теперь с любой былинкой
Беседую на равных,
Мне каждый час – в новинку,
Его считаю главным...*

Вести беседу с мирозданием, отсчитывая время мерою вещей непреходящих, нести крест «священного и страшного» служения вслед за Ахматовой, Цветаевой по-прежнему берут на себя наши современницы. Автор приведенных выше строк Светлана Медведева – заслуженный учитель школы Российской Федерации, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, кавалер ордена Дружбы народов, без малого четыре десятка лет отдавшая себя школе... Вехи ее творческой биографии, как суровой нитью, сплетены в единое и судьбоносное (что бывает сокрытым в душе лишь допрежь) – выходом в свет сборников «Луч души» (1990), «Одуванчик» (1991), «Лунная пряда» (1992), «Лукошко любви» (1997), «Суровая нить» (1997), «Зеркало судьбы» (2001), «Рождественская сказка» (2006).

О чем может писать человек, чья муза отпраздновала свое совершеннолетие? От сборника к сборнику Светлана Медведева не стремится удивить читателя новой темой или неожиданной интонацией, модным

стилем или гонористой нотой поставленного временем авторского голоса... На страницах сборника «Суровая нить», как и семь лет назад, в «Луче души», в «Зеркале судьбы», как и в «Лукошке любви», – читатель встретит те же пронзительные лирические откровения о жизни, времени,

С. А. Медведева с родителями Афанасием Федоровичем, Надеждой Васильевной и братом Анатолием

женской судьбе, родовой памяти, материнском счастье, щемящей надсадно боли утрат, любви и о многом том, что, конечно же, уже было и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Тютчева, тем более у Ахматовой, или Цветаевой... Но судьба женщины – как тема, которая не отпускает от страницы к странице стихов Светланы Медведевой, – это судьба России. Об этом писали в свое время Некрасов, Блок, Есенин... Не существует понятия «мужской судьбы», но судьба женская... без остатка вбирает в себя лики времени, эпохи, в конечном счете становится судьбой самой Родины. Нова не тема, но Светлана Медведева по-своему раскрывает суть нового времени, в котором именно нам выпало жить. Понятны, потому что объяснимы (крепостным бесправием, неутоленной правдой послереформенного времени) страдания русской женщины, отображенные в некрасовской «Несжатой полосе» или «Железной дороге», в образе Матрены из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»... Но чем объяснить одиночество и обездоленность русской женщины XXI века, когда 65 лет над головами россиян простирается бездонная синь мирного неба, в знак международного благополучия сокращены ресурсы армии, а медицина готова омолодить женский организм стволовыми клетками?

*Закройте душу на замок
И никому не открывайте –
Ни тем, кто был у ваших ног,
Ни тем, кто б вас утешить мог...
(«Предостережение»)*

От чего, от каких невзгод закрывается душа героини? Молчание в контексте поэтики стихов С. Медведевой сродни немоте души:

*Молчат души колокола,
Дрожат слезинки на ресницах...*

Светлана Медведева вскрывает в своих стихах то подспудное в человеке, что не сразу заметно обыденному взгляду, но что, будучи проявленным, обрывает путь, отчуждает и мертвит. Это – инакость:

*Мне все равно, что ты с другою,
Но больно мне, что ты – другой.*

Именно эта трансформация «родного» – в «чужое» порождает в душе героини парадоксальное стремление к тому, чтобы счастье найти вне любви:

*Отпусти меня, любовь, на волю...
Может быть, и стану я счастливой,
Если вырвусь из своей юдоли.*

Окаянство сего дня Светлана Медведева осмысливает в своих стихах традиционно, обращаясь к риторике уходящего корнями в глубь веков народного вразумления, которое с помощью мифов запечатлевает суть времен и позволяет обобщить:

*Жили-были две сестрицы –
Доля и Недоля,
Пряли нити мастерицы
На небесном поле...
Так Удача с Неудачей,
Несудьба с Судьбою –
Та – смеясь, та – горько плача,
Спорят меж собою.*

Доля – Недоля, Судьба – Несудьба, Удача – Неудача... Именно вторая часть оппозиционного ряда – Недоля, Несудьба, Неудача – в творчестве С. А. Медведевой представляет собой тот экзистенциальный задел, который вызвал к жизни столь удачный метафорический образ, переходящий в символ: не просто одинокой женщины, но снежной бабы, порождающий аллюзии холода, стылости, окоченелости души, обреченной на одиночество:

*...А снежные бабы всегда одиноки
Никто не влюбляется в них никогда.
От века даны им короткие сроки,
Им с неба холодная светит звезда.
У них ни мужей, ни детей не бывает.
Ничто не тревожит их белый покой...
Нет, снежные бабы, застенчиво таят
Лишь стоит коснуться их
Теплой рукой.*

«Белый покой» звучит у Светланы Медведевой как когда-то – «белая любовь» у Евгения Замятина, который в письме к А. Блоку однажды, не сдержавшись, сказал о наблевшем – переживаемой в великих муках и страданиях любви / ненависти к революционной России, в которой беспощадно убивается былое величие. Возникающее между строк смысловое напряжение, исходящее от семантики слов «белый» и «покой», превращает само словосочетание в оксюморон. Именно соединение несоединимого и есть та суть нашего времени, которая через женскую судьбу и в самой женской судьбе сопрягает, с одной стороны, первозданную хрупкость, очарование, отчаянную жажду жизни, желание гармонии, что сквозит в стихах, адресованных детям («Медведям сны снятся о меде, а солнцу – о новом восходе, мечты голубые летают и сами о чем-то мечтают») и не только («Так хочется жить, чтобы трогать руками и колос остистый, и водную гладь...», «Зеленые дожди идут весною и пахнут травами степными...»). С другой – ощущение зияющего холода инобытия:

*Я смерть потрогала руками –
Она пришла сегодня не за мною...*

Тема смерти звучит в творчестве Светланы Медведевой не столько трагично, сколько философски и воспринимается поэтом как та неизбежность и данность человеческой судьбы, которая является непреложной частью его жизни. Потому она не обрывает бытие, но раздвигает его горизонты, стирая грани реальностей высшей и земной:

*Однажды я уйду из дома
Туда, где все мне незнакомо:
Чужой простор, другие лица,
Иные храмы, чтоб молиться.
Но я вернусь: весной – капелью,
А летом – птичьей звучной трелью...
...К тебе приду уже незримой
С надеждой, что еще любима,
И в час закатный, тихий, тусклый
Я помолчу с тобой о грустном...*

Меняется состояние («я приду к тебе уже незримой»), но остается присутствие, то, что на библейском языке звучит «Я есмь...»

Строгие критики могут спорить, придирчиво читая сборники Светланы Медведевой: что в них от высокой поэзии, а что от стихотворства. Но есть одно несомненное и завидное качество выходящих из-под пера этой хрупкой и одновременно мужественной женщины строк – русскость, понимаемая как самовосхождение духа, способность к возрождению, обретению жизненной воли, дающей силы предстоять Небу:

*Живу, святая простота, в надежде:
Не стану шапку я лопать пред горем
И обрету былую статью, и зорям,
И мне петь будет соловей, я снова
Пойду искать судьбы своей подкову.*

Слова «стать» и «стан» являются однокоренными, этимологически восходя к глаголу «стоять». В. И. Даль толкует «стан» как «место, где путники, дорожные стали, остановились для отдыха, временного пребывания, и все устройство на месте, с повозками, скотом, шатрами или иными угодьями». В словарной статье с пометкой «устар.» приводится также значение «ночлег, роздых»: «Первый стан государев был в Танинской». Таким образом, «обрести статью» для русского человека означает роздых на пути восхождения, который дает возможность перевести дыхание, восстановить силы. В строке и между – именно этот призыв: окрестить, обрести былинную статью русского богатыря – и продолжить восхождение! – главный в стихах Светланы Медведевой:

С. А. Медведева с Ю. Н. Григоровичем

*Как перед полем Куликовым, я,
Пред новым встав тысячелетьем
С идеей русской, не новою,
Что в душу мне собором светит,
Взывая к братству неизбывному,
Ищу, где Сергей с Пересветом.
Знаком мне путь святой наивности
И путь кровавый тоже ведом.
Не задержаться б только с выбором
Да на авось не понадеялся,
В срок из себя холопа выдавить,
И дело сладится, мне верится.*

Н. В. Гоголь, говоря в свое время о сочинениях А. С. Пушкина, сказал, что они также «тихи и беспорывны, как и русская природа. Их только может совершенно понять тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия Родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух». Вряд ли кто в ближайшем столетии дерзнет сравниться с Пушкиным силою таланта. Но соревноваться в ощущениях русского духа, русской песни, русской природы, русского Слова – по-прежнему остается великим заданием поэтам России на все времена. Стихи Светланы Медведевой дают устойчивый повод уповать на то, что ее муза – добросовестный и пламенный ревнитель судьбы России. «Не задержаться б только с выбором...»

Наталья Щербакова,
член Союза писателей России

ЮБИЛЕЙ

Светлана
Медведева

Стихи вырастают из боли,
Мерцают снежинками соли,
Стихи вылетают из смеха
И в жизни становятся эхом.
Они –
Продолжение взгляда
И мой приговор
Иль награда,
Рождаются строчки от песен,
Без них
Мне мир не интересен.
Стихи прорастают из сердца
И мне помогают согреться,
Хотят – улетают к зарницам,
Стихи –
Это вольные птицы.
Они собираются в стаи,
Как люди, живут, умирают...

Выйду в поле утром ранним,
Руки настужь распахну,
Взгляд
Слезой вдруг затуманит,
Воздух Родины подохну.
И найду себе подкову
На скрещенье трёх дорог,
И сплету там колосковый,
Словно солнышко, венок.
Удержу мечту за крылья
И уже не отпущу,
И пойму –
Здесь мне открылось
То, что всюду я ищу.

Моя Россия

И победить смогла, и выжить,
И ей завидуют враги.
Она и, что не слышно, слышит,
И зрит, где не видать ни зги.
Слабеющим помочь готова –
Её великодушней нет –
Не только честным добрым словом
Она несет и мир, и свет.
Сама довольна хлебом-солью,
Живёт, надеясь на авось,
Россия лечит всех любовью,
А та – Вселенной держит ось.

Разговор с внуком

Я горжусь и гордиться Россией
Ты должен.
Кто напомнит об этом тебе,
Как не я,
Что твой жизненный путь
По Отчизне проложен:
Здесь твой дом, древний род,
Здесь родные, друзья...
Я отсеком тебя видеть, внук,
Не желаю,
Не боюсь
Бросить острое слово в лицо.
Норовистое времечко
Ты оседлаешь,
Волю прадедов выполнишь,
Дедов, отцов!
«Православным язычникам»
Трудно живётся –
В этом русскость моя
И мой лад, и нелад...
С древней Русью сердечная связь
Не прервётся,
Русским словом, я верю,
Ты будешь богат.

Телефонный звонок

Светлой памяти брата Анатолия

Не поддержишь в руке
Телефонный звонок
И слова не погладишь
Ладонью горячей,
Но прочувствуешь мысль,
Что бежит между... строк,
И поймёшь, –
Ведь о чём-то не скажешь иначе.
Телефонный звонок
Не положишь в карман

И не вынешь его,
Чтоб услышать вновь голос,
Что давал силы жить,
Был мне как талисман –
С ним
Любое несчастье
На щепки кололось.
Разговор...
Голос тает, как в небе закат,
Солнце сыплет в ладони
Последние искры.
Шорох в трубке, щелчок...
И гудки говорят:
Всё хорошее в жизни
Кончается быстро...

И с ней скорбит,
И звуки музыки летят,
И за собой меня манят...

Стою я в нотном стане
Половинкой,
А целой нотой хочется звучать.
Я верю:
Стоит выделки овчинка –
С зарёй работу новую начать
И за неё душою отвечать.
И пусть веду я дело
По старинке,
Но дорожку свою в нём
Живинкой

И сколько б ни сменилось их потом,
Всем уготовано поэтом откровение,
Лишь стоит в руки взять
Заветный том...

Мне не хватило в жизни шага,
Чтобы удачу удержать,
И от меня ушла отвага –
Вслед за мечтой
Стремглав бежать.
Мне не хватает вдохновенья,
При всей сердечности моей,
Унять чужой души волненье
И стать при этом не бедней.
Сама себе уже не рада.
Едва ль кому-то дорога...
Себе никак не дам я лада.
Быть может, чересчур строга?
А слёзно жаловаться –
Стыдно.
Меня счастливый не поймёт,
А у несчастного обидя
Моя
Надежду отберёт...

Я плачу от бессилия –
Устала.
А воз и ныне там –
Так много дел.
И жаловаться даже перестала –
Жить через силу,
Видно, мой удел...
Горю в большом и малом,
Не сгорая,
И мысль одна
Мне силы придаёт –
Уж, как шагну,
То доведу до края,
А упаду,
Так хоть лицом вперёд.

Удивляются домашние,
Удивляются друзья –
Мне так дорого
Вчерашнее –
Им-то и богата я.
Дорожу
Косынкой маминой
И наградами отца,
И верна я светлой памяти
Дорогого мне лица...
Всё моё,
Что мною прожито,
Тем держусь
И тем полна,
Даже если мне неможется,
Прошлым
Всё-таки сильна.

Вдруг кто-то спросит:
– Жизнь состоялась?
Трону я проседеь,
Что в прядь закралась.
Беды известны.
Праздников – малость.
Все честь по чести –
Жизнь состоялась
И настоялась
На перепутьях,
Трудно менялась,
Но не по сути,
Сладкой коврижкой
Редко кормила.
Не было лишку –
Главное было.
В сердце усталость
И возмужалость.
Жизнь состоялась?
Жизнь состоялась!

Всё время я что-то теряю:
То сон,
То мечту,
То строку.
Старалась, наверное, зря я
Побольше успеть на веку...

От каждой потери болею,
Сидит не первая прядь.
Одно только
Душу и греет –
Пока ещё есть что терять.

* «куриный бог» – камень с отверстиями.

СЧАСТЬЕ

Я помню все свои потери,
Невольно счёт веду им точный –
Лишений горестные тени
Меня тревожат днём и ночью.

Спешу допеть, что не допела,
Душа ещё полна любовью,
И новое задумать дело –
Мне по плечу пока любое.

Хочу прощать, что не прощала,
Хочу обид не замечать я,
Хочу, чтоб новый день встречала
Я как завещанное счастье,
Как отвоёванное счастье,
Как мной заслуженное счастье.

В горьком мире,
Судьбою мне данном,
Боль в душе от потерь не унять,
И с небес я не жду
Сладкой манны,
Лишь работа и держит меня.
В жёстком мире,
Убийственно странном,
Стала чаще терять я друзей,
И молитвой своей покаянной
Всё взываю к судьбине моей.
Задыхаюсь –
Грядёт неизбежность,
Что не так –
На себя лишь пенять.
Мне в укор моя гордая нежность,
В помощь –
Дело, что держит меня.

Не жить без музыки
Ни дня –
Она во мне,
Вокруг меня...
Метель январская метёт.
Речитативом
Дождь поёт.
Шумит листва.
Шуршит песок.
Ритмично
Кровь стучит в висок.
Аккордами
Гремит гроза.
Мой голос рвётся в небеса.
И песня душу тербит,
Смеётся с ней

И не рублю с усталого плеча...
Стою я в нотном стане
Половинкой
И целой нотой пробую звучать.

Кто-то в шкатулке хранит
Бриллианты
Или гранатовый старый браслет,
Кто-то – монеты и аксельбанты,
Марки, открытки, которым сто лет.
Я дорожу необычным богатством,
Верю: никто клад мой не украдёт.
В нём есть великое вечное братство
Суши и моря.
В нём времени код.
Камни простые без блеска и фальши,
Каждый имеет свой цвет и овал.
Камешек есть с побережья Ла-Манша,
Галька с Кубани, с Урала – опал,
С Кубы – ракушки, кораллы витые.
Гладких «куриных богов»* целый ряд.
Камни из стен монастырских, святые,
Радуют душу мне и бередают...

МОЯ ЗВЕЗДА

С темнеющего края небосклона,
Когда закат уже полоской узкой,
Глядела, и казалось мне, влюблённо
Моя звезда по имени Светлусса.
И я смотрела в небо, не мигая,
И большей не придумать мне награды –
В мечтах всегда являлась
Мысль благая,
Что я открою жизненные клады...

Донельзя спрессовано время –
Не вырвешь ни день и ни час.
Пусть мысли,
Что всё в мире брено,
Приходят ночами не раз.
Но трудности преодоляя,
Себе и другим вопреки.
Бегу, время благословляя,
Вперёд – с ним наперегонки.

Когда хочу от суеты бежать, то я
Читаю строки, голос мой дрожит.
От Пушкина в пяти рукопожатиях
Сейчас живу, надеюсь завтра жить.
Пожатие руки здесь – поколение.

Поэзия

Нелли Василюкина

День прибавил лишь одну минуту,
И уже весну и лето ждешь,
И в душе вновь ощущаешь смуту,
И острее чувство, что живешь.

Ну, а жизнь не удлиняет срока,
А, скорей, совсем наоборот,
Но пока в душе надежд морока,
С радостью вступаешь в новый год.

Нине Антоновне Стрижовой

Так на Руси водилось исстари –
Богатый бедным помогал,
Чтоб те могли
В несчастьях выстоять,
Чтоб новый день их не пугал,
Чтоб выходили из неизвестности
Таланты, что рождала Русь,
Чтобы по силам было крест нести
Тем, чья судьба – нелёгкий груз.
... И ныне не для громкой акции
Вершатся добрые дела
Людьми, которых цветом нации
Сама История звала.

Осиротели краски и холсты.
Художник
К ним уже не прикоснется.
И кисть его
В порыве не взметнется
В извечном постижении
Красоты.
... Очерчен рамой
Начатый портрет.
Прекрасной дамы лик
Едва намечен.
Ушёл художник,
А набросок вечен...
Его любовью навсегда согрет.

Сестре Наташе

Меня покинули друзья –
Ушли в небесные пределы...
Лишь ты осталась у меня
На опустевшем свете белом.

С тобою на душе тепло,
С тобой она беды не знает.
В одном мне в жизни повезло,
Что у меня есть ты, родная.

Когда-то, помню, в магазине
Лежали веером в витрине,
Среди перчаток, бус и брошек,
Любого цвета ... шкурки кошек.

Людей любить с тех пор труднее,
Душа к ним стала холоднее.
И разве может быть иначе,
Когда смотрю в глаза кошачьи,
Они в ответ – день изо дня –
Глядят с надеждой на меня?..

Нищает жизнь
Мечтами и делами.
Уже не ждешь
Хороших перемен.
И в настоящем,
Как ни бей крылами,
Прошедшему
Не отыскать замен.
Скудеет жизнь
Всё больше год от года.
Где были розы,
Там давно трава...
Волнует душу лишь одно –
Погода:
Она известна,
Но всегда нова.

Жизнь готовит не завтрак,
А ужин.
Оказалось,
Не всё в ней, как надо.
Но уже поздний опыт
Не нужен,
От него только боль и досада.
Будь у жизни возможность
Возврата,
В ней, боюсь, не добавится
Лада...
А за опыт высокая плата –
Ад в душе,
И страшнее нет ада.

На потолке косынка света.
Под боком кошкино тепло.
И новый день зовёт к ответу,
Хотя лишь только рассвело.

Настало время торопиться,
Чтобы успеть всё, что должна.
Прошу тебя, мой день,
Продлиться
И не спешить коснуться дна...

Не хочется быть старой,
Забытой и ненужной,
Уже навек усталой
И навсегда недужной.

Хотя б хватило силы,
Чтоб делать вид беспечный,
И ноги чтоб носили
По бездорожью в Вечность...

Годы творят из меня невидимку,
Кто и посмотрит, –
Как через стекло.
И только память
Сквозь лёгкую дымку
Мне словно птице расправит крыло,
Чтобы могла возвратиться в былое,
Давнее прошлое разворошить
И, обнажая в душе слой за слоем,
Ясно увидеть,
Что стоило жить.

Раньше птицей я,
Наверное,
Была...
И в мечтах
О самом сокровенном
Распахнуть хочу
Широкие крыла
И лететь
Навстречу переменам.
Осмелела в одиночестве
Душа.
Не напрасно
Мужеству училась.
И любые перемены
Не страшат, –
Что пугать могло,
Уже случилось.

Светлане Медведевой

Мы встретились
В дороге на Парнас.
Уже лет тридцать,
Как это случилось.
Любовь к стихам
Объединила нас,
И наше Слово
В рифмы облачилось.
Бывали строги к нам
Учителя,
Им вечная
Признательность за это.
Они, и поправляя и хваля,
Из нас
Старались сотворить поэтов.
Но самый главный воспитатель –
Жизнь.
И потому желаю
Жизни полной.
Своей звезды
По-прежнему держись,
Что загадала,
Всё она исполнит.

Валерий Клебанов

По земле, что до боли кругла,
Забывая, зачем я живу,
Продолжаю тянуть, как бурлак,
Своих песен и дней бечеву.

Сколько было уже – не сочтёшь! –
Огорчений, потерь, пепелищ;
Сколько будет ещё их... И всё ж
Вдохновенно дорогой пылишь.

Я свой среди простого люда,
Где не сошёл свет на мне,
Где и мучительно, и люблю
На неотъемлемой земле,
Где вечность – прямо у порога,
Где сад давно дремуч, как лес,
Где и цветок чертополоха –
В ряду диковин и чудес...

Асфальта рыба чешуя,
Над ним – вкрапленный охра:
То – человеческого жилья
Светящиеся окна.

Гроза в ливнёвки утекла,
Стих утомлённый город.
В нём – человеческого тепла
Неутолённый голод...

Средь мелких и крупных невзгод
Не раз я уже убеждался:
Душа – это мой дон кихот,
А тело – её санчо панса.

Как вина, слились в купаже
Их радости, слёзы и боли:
Когда достаётся душе,
То тело кряхтит поневоле.

Скрипучим колесом арбы
Здесь путь прокладывала древность;
И крепко помнят гор горбы
Тех лет любовь, вражду и ревность.

И кажется, что времена
Тут словно топчутся на месте, –
Застыв и в терпкости вина,
И в диком хрипе кровной мести...

Снег, как всё в этом мире, лишь прах;
Не с того ли я грустно притих,
Видя белые плечи в горах
Со штрихами деревьев на них?

Не с того ли холодная тишь
Так бездонна и тайны полна, –
Что, когда в эти дали глядишь,
Тянет вечностью в щели окна?

Жизнь – лишь отсрочка приговора,
Но до чего же хороша!
Есть в ней то зелье приворотное,
Которым тешился душа.

Но есть и привкус тот железный,
Когда нахлынувший испуг,
Как у идущего над бездной,
Вдруг перехватывает дух...

Опять за пивом очередь
У ближнего ларька.

Картина края отчего
Привычна, но горька.

Как тело инородное,
Поэт напрасно ждёт,
Что и к нему народная
Тропа не зарастёт...

Бледен ликом и скуп на улыбку,
Был в судьбе я не шибко удал;
И, конечно же, первую скрипку
Никогда и нигде не играл

Век сносился, как старое платье,
Но фантомно болит, как протез,
Пустота от несыгранных партий,
От другими исполненных пьес.

Пусть воюг собаки, пусть;
Пусть кружится вороньё, –
Я чувствую: бьётся пульс,
А крики ворон – враньё.

Я снова тобой упьюсь,
Россия, родная ширь.
Нам трудно, – но бьётся пульс.
Нам страшно, – но будем жить.

Губительна любовь к полёту,
Но с ней сам чёрт тебе не брат.
Кулик, приверженный болоту,
Не лебедь, хоть вполне пернат.

Мы в мире все чего-то стоим,
Но знать бы, какова цена...
Есть песни-кличи, песни-стоны,
Но лебединая – одна.

Цепляешься за каждый новый день,
А жизнь уходит по шажку, по грамму;
И никакой из мыслимых затей
Не обмануть свою кардиограмму.

Но, хмурясь временами и ворча,
Ты радуешься всё-таки, что цел, –
Хоть зеркальце над глазом у врача
Сверкает, как оптический прицел.

Россия – мороз по коже.
Она, как душа, болит.
О, как же ты можешь, боже,
Не слышать людских молитв?

Когда-то была надежда...
Куда же она сплыла?
Тревожно и безутешно
Стенают колокола.

Мы не боги. Мы это знаем.
Слишком тянут к земле грешки.
Потому-то и обжигаем
Терпеливо свои горшки.

Пусть удел наш не слаще соли
И бесцветно проходят дни,
Но дымящиеся мозоли, –
Всё оправдывают они.

Давно обжитый нами угол –
Наполнен прошлым.
Страшны деревья – вроде пугал –
В саду заглушем.

Но что-то вдруг придёт на память
Волною грусти,
Как будто веткой под ногами
Мгновенье хрустнет.

Nn

Ты помнишь, как пела в нас кровь,
Что вряд ли мы будем в летах?
Нам время казалось игрой,
Вполне безобидным "тик-так".

И как ещё память свежа –
До горечи в горле, до слёз –
О жизни, что шла не спеша
И вдруг понеслась под откос.

